

Ступников

Чечня полна липкой вязкой грязи — она повсюду. Я шел по направлению к нашему отделу, с трудом вытаскивая из грязи ноги. Вот и здание отдела, никакой вывески. А зачем? ФСБ на войне вывеска не нужна. Мы свое дело тайно делаем. Реклама нам ни к чему. Тщательно очистил подошвы ботинок о металлическую пластину рядом с крыльцом. Пока счищал грязюку, дневальный сообщил, что меня ищет начальник оперативной группы.

Начальник и в Рио-де-Жанейро начальник. Моим начальником был подполковник Сухарин Сергей Константинович. С первого взгляда мы понравились друг другу. Смотрелись, правда, несколько комично — при его росте метр шестьдесят пять и моем метр восемьдесят. Остряки в Ханкале прозвали нас Тарапунькой и Штепселем. Несмотря на это, мы классно сработались. Он — шеф, я — его заместитель. Полное понимание с полувзгляда и полуслова.

— Ну, что, Александр. — Константиныч закурил. — Звонили из Ставки...

— Из Ханкалы? — уточнил я.

— Из нее!

— Тоже мне! Нашли Ставку! Звучит прямо как «звонили из Ставки Сталина!».

— Ну, ты же знаешь, как они любят себя величать, — поморщился Константиныч.

Его отношение к коллегам, находящимся в так называемой Ставке, было точно таким же, как и у меня. К ним нужно относиться, как к больным детям. Больной ребенок что-то себе там напридумывал, а ты должен выполнять его прихоть, потому что ребенок болен и очень капризен. А не исполнишь — выяснится, что он вдобавок еще и мстительный.

— Так и что они звонили? Извини, что перебил.

— Команда поступила — отправить тебя в Чечен-Аул.

— А чего я там не видел? Мне и здесь очень даже ничего. Толстой-Юрт — приличное место. Тихо, спокойно, бандиты хвосты поджали, с «фугасниками» еще покончим — и можно будет билеты на отдых продавать. Откроем в нашем сарае отель для зарубежных экстремалов. Константиныч, ты прикинь! Вывеска: «ФСБ и братья!» Интурист повалит. А самое главное, вербовочные беседы можно проводить прямо на месте. Тут тебе и валюта, и показатели. Шпионов — куча. Комбинации оперативные, спецоперации. Подумай, Константиныч, а?

— Хорошая идея, Саша. Только оформи это справкой, планчик накидай, согласуй наверху, я подпишу. Название отеля надо подкорректировать, а то здесь, кроме шизофреников, никого не будет, придется филиал психбольницы открывать. — Начальник шутил. Он, как многие здесь, в Чечне, ценил юмор. — Ну, а кроме смеха, повторяю — Ханкала сказала, что надо тебе собираться и ехать в Чечен-Аул.

— Его ж сейчас чистят?

— Чистят. Следующий шаг — Старые Атаги. Приказали для подготовки спецоперации отправить самых опытных оперов, кто не первый раз в Чечне. Я им

доложил, что у нас здесь работы невпроворот, а они через пару дней назвали-таки тебя. Сейчас со всех групп надергают по Чечне самых матерых волкодавов — и туда. Ты назначен заместителем командира группы.

— О, повысился! Был замкомгруппы, им и остался.

— Не лопни от гордости.

— Чтобы не лопнуть, надо жидкость залить. Да и перед товарищами как-то неудобно «на сухую» уезжать.

— Ну, сдавай дела Иванову, а вечером и присядем за стол. Насчет транспорта я договорился. Завтра военные поедут в ту сторону, пообещали на «броню» тебя подбросить. Они на усиление едут. Здесь тихо, а там что-то уж очень горячее намечается.

— Иванов занимает мое место?

— Да.

— Он об этом знает?

— Пока нет. Сам скажешь?

— Ну, должен же я объяснить, почему он принимает у меня дела и должность... Ствол я себе оставляю?

— Извини, Саша, не могу. Он за моей группой висит. — Шеф развел руками.

— Спиши на боевые потери! — Очень мне не хотелось расставаться с пристрелянным автоматом. Не раз и не два за эти три недели он спасал мне жизнь.

— Ты что, наших бюрократов не знаешь? Приедешь на место, поговоришь с милиционерами и ВВ, у них один черт пара особистов есть. Выделят они тебе автомат.

— Ага, а мне на «броню» полдня ползти по горам с «ПМ»?! Ну, начальник, не ценишь ты меня! Вот так, да?

— Нет, ребята, пулемета я вам не дам! — процитировал шеф Верещагина из «Белого солнца».

— Ну а я скажу так: «Константиныч, не делайте из оружия культа!» А вообще ты был бы хорошим начальником, если бы не был таким жмотом!

— Иди-иди, тебя не переслушать. Еще будешь начальником. Вечером за ужином встретимся.

Я встал, приложил руку к непокрытой голове, четко развернулся и вышел.

Хороший попался начальник. Вообще везет мне с ними. Что в Красноярске, в региональном Управлении ФСБ, что в первую командировку в Чечню, в 2000 году, что сейчас — здесь. И мужики тут хорошие. А могут быть плохие? Нет, конечно, где-нибудь в Ханкале, возможно, и есть — они же носа оттуда, как правило, не высовывают. А вот в «поле» дерьма нет.

В Толстом-Юрте вышли на трех боевиков, прибывших на отдых. Были они в одной банде, во время переходов и боев их поранило. Приползли к родственникам раны зализать. Так нет ведь, не сиделось уродам, шило в одном месте... Заложили фугас — подорвался грузовик с военными... Три «цинка» домой отправили. Мальчишки молодые, только по полгода оттянули на Большой земле, везли их с Ханкалы на службу... Эх! Не довезли!

Военные хотели полдеревни из артиллерии разнести, еле мы их отговорили, попросили у них три дня.

Старейшины — бараны в бараньих шапках — лишь цокали и качали головами. Мол, нет у нас боевиков. Ага, нет! Не верили, что военные разнесут их «Юрт» к юртовой матери. Чеченские менты все знали, но тоже качали головами и цокали языками. А на большее они и не способны, если у них материальной заинтересованности нет.

Вот мы и начали с Константинычем отрабатывать все версии. Понимали, что если не отыщем, то будет хреново. И военные подумают, что чекисты не могут найти гадов, убивших товарищей, и от деревни мало что останется. Да и хрен с этой деревней! Сами пустили бандитов, сами укрывали, сами и получите по полной программе. Вот только я против коллективной ответственности. Ну, не нравится мне, когда за парутройку подонков отвечают несколько десятков, а то и сотен людей. И не потому, что я гуманист, а просто мы сами таким макаром пополняем ряды «духов».

Выехали мы всей группой на место происшествия — подрыва фугаса, облазили его на коленях. Вот она, лежка «духовская»! Отсюда дорогу как на ладони видать — и трава примята, и окурки валяются. А машинку для подрыва — как правило, либо батарейки, либо полевой телефон «ТА-57» — они с собой утащили. И что это значит? Правильно! Они еще один фугас заложить собрались. А после этого уже никто не сможет военных остановить, и раскатают они тот Толстой-Юрт по бревнышку к едрене фене.

Пошли по следам, а они — к деревне. По пути нашли маленький баллончик — ингалятор для астматиков. Баллончик наполовину пуст. Выпал из кармана, видимо. Кто-то из боевиков болен астмой. Конечно, посиди в горах, в землянке — тут тебе и астма, и простатит, и вши, и полный букет всяких хворей. Жаль, что не гангрена, быстрее бы сдох подонок.

И вот у нас, кроме окурков и этого самого ингалятора, ничего нет. Окурки обычные, прикус тоже обычный. Шерлок Холмс, может, и смог бы рассказать про владельцев этих сигарет много всякого, а мы — ничего. Оставался только баллончик.

Очень дефицитная вещь в этих краях. И всего пять дней назад с партией медикаментов поступили

такие баллончики в наш район, и поступили — к военным! А те часть лекарств — и этих ингаляторов тоже — передали в местный медпункт для поддержания здоровья местного населения.

Наших проверили быстро. Всё на месте. Ну, не болеют наши бойцы бронхиальной астмой, ежели что — их тут же комиссуют. Держали эти ингаляторы так, на всякий случай и «чтоб було».

Большая вероятность, что кто-то из местных медиков просто выбросил ингаляторы на местный рынок. Но уж больно товар специфичный. Решили понаблюдать за персоналом деревенского медпункта. Там и персонала-то всего три человека. Все женщины. Одна врачиха и две медсестры.

В течение двух дней одна из медсестер носила домой объемные сумки. А на третий, после полуночи, когда комендантский час уже в полном разгаре, пошла, крадучись, в сторону недостроенного жилья, что в ста метрах от ее дома. При подходе что-то там просвистела, тихо так, сложив губы трубочкой. Кто-то откинул деревянный настил, на секунду показалась полоска света от свечи.

Через полчаса она отправилась обратно. Мы ее по-тихому перехватили у самого дома. Рот зажали, руки за спину. При ней — ничего. Нам-то все ясно, но надо бы узнать, сколько в этом недостроенном бункере бандитов, чем вооружены, что замышляют.

Она поначалу отказывалась говорить. Когда объяснили, что за ней следили, показали оброненный боевиками баллончик, стала что-то кричать на чеченском. Допрашивали у нас в отделе, в подвале. Так что ори, не ори, никто не услышит. Наши объяснения, что хотим взять их живыми, что в стране мораторий на смертную казнь и ее друзья, или кто они там, будут жить, тоже не принесли результата. Уперлась бабен-

ка. То в молчанку играет, то матами нас кроет. Потом попыталась глаза мне выцарапать. Да и хрен с ней! Заперли ее. Может, потом что-нибудь расскажет.

Тут же вывели на этот схрон военных. Попросили, чтобы по возможности кого-нибудь живьем взяли — для допроса, для получения информации. Конечно, щассс! Окружили хату и сразу из гранатомета три раза как дали! И все. Допрашивать там уже некого. Размазанные по стенам подвала останки трех «духов» догорали долго и «воздух не озонировали».

На грохот взрывов примчались чеченские менты и попытались качать права: федералы, мол, не имеют права проводить спецоперации по уничтожению боевиков без согласования с ними. Ага, тот самый случай!

Медсестру мы наутро допросили. Она уже была сломлена морально. Тихо, не поднимая головы, отвечала на вопросы (мы ей предварительно показали останки ее дружков). Да, это она передала ингалятор больному боевику, дальнему родственнику. Нет, сама в боевых действиях участия не принимала. Лечила боевиков, кто приходил в деревню. И в первую кампанию, и сейчас тоже. Как часто они приходят? Раз в три-четыре месяца. По два-пять человек. Иногда потом уходят на «материк» — в Россию. А в основном обратно — в горы, леса... Перечислила всех, кого знала, помнила. Сообщила приметы. А также — кто в деревне поддерживает с бандитами связь, принимает их на постой. Она, как в трансе, отвечала на вопросы монотонно, качаясь на стуле. Вперед-назад, вперед-назад. Как маятник. Голос тих. Видно, что она устала от всего этого. И не скрывала своей вражды к нам. Безучастно перечисляла известные ей факты, фамилии, адреса, способы связи. И, не меняя интонаций, раскачиваясь в такт своим словам, оскорбляла нас и при-

зывала на наши головы всевозможные проклятия, мешая чеченские и русские слова.

Муж ее погиб при штурме Грозного в первых числах 95-го. Старший сын — при обороне Комсомольского. Младшему сейчас четырнадцать лет, воюет где-то в горах. Ну а мамаша содействует боевикам. Несколько раз выезжала в банды — помогала врачихе, с которой работает здесь, проводить операции.

Да многие деревенские помогают боевикам. Некоторые ходят в горы на несколько месяцев, потом полгода отсиживаются дома и — снова в горы. И среди милиционеров тоже есть боевики. Получалось, что примерно полдеревни замешано... А может, и не стоило военных сдерживать?

Но надо сказать, это была оперская удача. Медсестра рассказывала три часа...

Дело оставалось за малым: взять всю эту банду с поличным.

Тем временем возле нашего домика собралась толпа, примерно человек пятьдесят. Требовали, чтобы им отдали медсестру, незаконно, по их мнению, удерживаемую. Да, и еще чтобы мы убирались в свою Россию. Многовато они хотели, за один-то раз.

«Расколос» медсестру старший опер — майор Иванов, к которому я сейчас и шел. История для нее закончилась скверно. Отправили на «фильтр» — фильтрационный пункт. В тот же день она повесилась в камере. Как утверждали женщины, сидевшие вместе с ней в одной камере, она обмотала себе горло мокрым вафельным полотенцем. По мере высыхания полотенце сжималось и перекрыло в конце концов сонную артерию. По словам тех же «товарок», медсестра стонала: русские, мол, ее изнасиловали, и потому она добровольно отправляется на тот свет, не вынеся позора. Да кому она нужна, насиловать ее!

Только вот ногти у трупа были почему-то обломаны, руки исцарапаны, лицо в ссадинах и гортань переломана, что полотенцем никак не сделать.

Иванов клялся и божился, что пальцем ее не трогал. Представители прокуратуры хищно поглядывали на нас и задавали провокационные вопросы. Вскрытие расставило все по своим местам. По крайней мере, для прокуратуры. Но не для местных. Через три дня на одном из прочеченских сайтов в Интернете появилась информация: федералы похитили медсестру, изнасиловали ее и повесили. Вот как...

На ее могиле развевается на шесте зеленая повязка — мол, неотомщенная.

А потом мы начали проводить адресные зачистки. Начали с милиционеров, на которых нам указала медсестра. У одного много интересного нашли! Пять автоматов, радиостанцию, тол, выплавленный из мин и снарядов. Много литературы ваххабитского толка на арабском, чеченском и русском языках. Чеченец молчал, как партизан. И мы отдали его военным, чтобы те сопроводили юношу на «фильтр». Юноша был убит при попытке к бегству.

Следующий милиционер оказался более сговорчивым, дополнил имеющуюся у нас информацию. Потом мы взяли еще пять человек. С оружием, с литературой. Да взрывчатки было изъято около двухсот килограммов.

Многие скрылись, когда пошли аресты. Но зато в окрестностях села прогремело два взрыва — фугасы. Один не причинил никакого вреда: подорвался сам минер. А на втором подорвалась чеченская машина — в момент взрыва она обгоняла БТР и приняла на себя всю убойную силу. наших лишь контузило.

Не зря я здесь поработал три недели. Почему я? Я же не Остап: «Командовать парадом буду я!» Мы все

вместе, шесть оперов вместе с начальником, падая с ног от усталости, сделали это. Вскрыли бандитскую сеть, изъяли прорву взрывчатки, предотвратили новые теракты, спасли деревню. И вот сейчас надо с ними прощаться и убывать к новому месту службы. А так неохота!

Я вошел в кабинет-комнату Иванова. Он здесь и работал, и спал. Комнатка маленькая — метров восемь. Иванов внимательно изучал какой-то документ. При моем появлении листок перевернул и положил на стол.

— Здорово! Шифруешься? — Я кивнул на перевернутый документ.

— Да нет. Просто привычка.

— Понятно. — Я и сам такой, это уже в крови. — Значит, так, Паша, я поговорил с шефом насчет тебя.

Иванов напрягся. Кому понравится, когда насчет тебя ведутся переговоры, а ты об этом ничего не знаешь.

— Расслабься. Я предложил тебя заместителем.

— Строчку второго зама ввели? — В голосе Иванова неподдельное удивление.

— Скучно мне здесь стало. Попросил перевести куда-нибудь, где пожарче. А ты себя отменно зарекомендовал в работе с медсестрой — вот и говорю, что заслужил.

— Заливаешь? — Иванов был насторожен. Не разыгрываю ли я его?

— Вам, предводитель, давно уже пора лечиться электричеством. Не устраивайте преждевременные истерики! — своеобразно успокоил я.

— И что дальше?

— Как что? Принимай у меня дела и должность.

А вечером накроешь стол — за то, что я такой добрый. Приказ уже состоялся. «Шура, пилите гири — они золотые».

— Врешь!

— Пойдем к шефу.

Константиныч все подтвердил. Иванов долго тряс мне руку. Дела и должность я передал ему очень быстро, минут за двадцать. А потом он начал готовить стол. Надо же представиться перед личным составом в новой должности: пусть временной, пусть в командировке, но все равно — приятно. И мне приятно! И за товарища — за его карьерный рост и за то, что мне удалось его разыграть с «протекцией», — люблю розыгрыши. Ну и стол накрытый — тоже хорошо!

— Давай, Паша, вкладчину. Я делаю «вынос теля», а ты представляешься.

Ну, не совсем же я наглец.

— Хорошо, — согласился новоиспеченный зам.

Через три часа мы собрались за одним столом. Шесть оперативных работников и начальник.

Вот они сидят...

Паша Иванов — новый заместитель начальника группы. Сам он из Костромской области. Великолепный психолог, как он эту медсестру расколол!

Женя Грачев. Прозвище — Мерседес. У прежнего министра обороны — однофамильца Жени — была такая кличка. Питал сей муж склонность к дорогим иномаркам. У нашего Грачева не то что «Мерседеса», квартиры не было. Сам из Амурской области. Жена беременна вторым ребенком. Всего год назад перевелся из Таджикистана. Был там особистом — военным контрразведчиком. Воевал. Перевелся в Россию в территориальное управление. Думал, что здесь отдохнет, но не получилось. Пообещали, что, когда вернется из Чечни, поставят в льготную очередь на полу-

чение квартиры. Женя бегло говорил по-арабски, что нам помогало при расшифровке радиоперехватов. Однажды мы его переодели и посадили в камеру на «фильтре» к арабу-наемнику, взяли того раненым. Этот араб-подлец ни черта по-русски не понимал. Женя сумел его разговорить. Прикинулся новообращенным исламистом — мол, с Украины доброволец, принявший ислам. Ключнул араб, ключнул! Женя много полезной для федерального здоровья информации из него выкачал. Женя скрывал ото всех, но потихоньку писал стихи. Я однажды случайно услышал, как он вполголоса рифмовал. Стихи посвящены жене.

Алексей Rogozin. Старший опер из Омска. Почти земляк — сибиряк. У этого вместо головы — компьютер. Прочитывает ходы быстро и толково. Когда при разработке операции кажется, что все уже ясно и понятно, он показывает другие возможные комбинации. И все предстает совсем в другом свете. У него свой стиль работы с агентурой. Не признает конспирации. Говорит, что отсутствие конспирации — самая главная конспирация. На местном рынке ходит по рядам, торгуется, шумит, шутит. А между тем вполголоса инструктирует «источники» и получает отчет о проделанной работе. Неоднократно получал нагоняй от шефа и от меня тоже. В одиночку — на рынок?! Там толпа может сомкнуться и разойтись. В лучшем случае — убьют, а могут и утащить в горы, с них станется. Но везет Лехе, везет.

Игорь Баев из Татарстана. Всегда сохраняет хладнокровие. Не флегматик, просто очень спокойный человек. У него врожденная склонность к анализу событий, фактов. Собирает информацию по крупицам. Когда мы допрашивали милиционера-оборотня, то чуть не упустили нюанс: тот обронил, что некто Г. распоряжается гуманитарной помощью по своему ус-

мотрению. Нам нужны были боевики, а тут — мелкий жулик. Баев же начал раскручивать тему. И оказалось, что этот Г. часть гуманитарного груза просто отвозит боевикам. Выправляет необходимые документы и днем, не таясь, едет куда надо. Часть груза пускает на местные и близлежащие рынки. Прямо Корейко с бандитским уклоном. Помогает своим «братьям» бороться с неверными, но и свой карман не забывает. И этот Г. — ну, точно г... — много интересного рассказал. Баев своими вопросами довел его до полного изнеможения. Этому Г. пришлось вспомнить все свои грехи, начиная с двухтысячного года. Теперь на место этого подпольного миллионера придет другой. Расчистили место...

Гена Шор. Откуда у него такая фамилия, сам не знает. Предполагает, что из Скандинавии. Был такой там у них воин легендарный... Оттуда и пошло. Гену по имени никто никогда и не звал, только Шор. Гена мог черта из-под земли достать. В том смысле, что, если у группы ломался автомобиль или срочно надо было чего-нибудь, он договаривался — и все у нас появлялось. Ну, и не было в группе более меткого стрелка, более сильного рукопашника. Когда шли на задержание пособников бандитов, первым заходил в дом и «фиксировал» к полу именно Шор, хотя можно было, конечно, просить об этом военных. Но тогда обычно — много трупов и никакой информации, а нам надо работать ювелирно: чтобы соседи не сразу заметили пропажу, не подняли шум, не спугнули сообщников.

Вместе с Шором «работал» Сидельников Володя. Оба из Питера, держались вместе. Вова все схватывал на лету, постоянно куда-то бежал, что-то делал. Заставить его написать какую-нибудь бумагу было проблемой. Он говорил, что сходит на задержание или

еще куда-нибудь, лишь бы не заставляли его писать. Ему нравилось здесь именно отсутствие лишних бумаг. Душа рвалась на свободу. Действие — вот главное. Какой будет результат — все равно. Главное, не сидеть на месте. И они с Шором прекрасно дополняли друг друга.

И все мы вместе, во главе с нашим шефом, были слаженным коллективом. Буквально за несколько дней притерлись друг к другу, я их «сплотил» несколькими дружескими посиделками. Как стать товарищами? Правильно — хорошо посидеть за столом! Жалко уезжать. Но не мы выбираем службу, служба выбирает нас.

— Товарищи офицеры! — начал начальник. — Мы собрались потому, что, согласно приказу директора, подполковник Ступников переводится в следственно-оперативную группу в Чечен-Аул на должность заместителя начальника группы. На его должность назначен майор Иванов... — И уже мне: — Ну, скажи нам что-нибудь!

Я встал:

— «Заседание продолжается!» Итак, что могу и хочу сказать вам, господа присяжные заседатели! Работал как мог. Надеюсь, никого не обидел, зла не держите. А вообще-то жалко от вас уезжать! Ну, давайте выпьем! «За Союз Меча и Орала»!

— Давай, Серега!

Встали, чокнулись, выпили.

Мы посидели еще часа два, поговорили, повспоминали недавние события. Больше говорили, чем пили. Если бы бандиты не подорвали фугас, то неизвестно, сколько «духовское» гнездо оставалось бы у нас под носом. Так что, можно сказать, не зря мы свои деньги получаем.

Наутро я пошел к военным. Они уже выстраивали колонну. Зябко, холодно, мокрый туман. Зима — она и на Северном Кавказе зима. Но отличительная особенность кавказской зимы — грязь.

Кавказская грязь нуждается в отдельном описании. Она жирная, как масло, имеет привычку мгновенно облеплять обувь огромным комком. Поначалу несведущий гражданин наивно трясет то одной ногой, то другой — в надежде, что грязь отлетит. Ничуть не бывало! Военные придумали хитрость. На то они и военные, у них своя смекалка. Надевают чулки от ОЗК (общевойсковой защитный комплект) из непромокаемого материала. Ткань гладкая, грязь не так сильно налипает. Обувь чистая и не такая мокрая. Только вот рвутся эти чулки, стоит зацепиться за какую-нибудь проволоку, кусок металла или корягу.

Формирующаяся колонна состояла из пяти «БТР-80». Вдоль колонны ходил, размахивал руками и командовал сорванным голосом немолодой майор.

— День добрый, — поздоровался я. — Попутчика возьмете?

— Куда? — Он смотрел на меня, задрал голову.

— В Чечен-Аул.

— Документы!

Я показал ему красное служебное удостоверение.

— На зачистку?

— Военная тайна.

— Подожди, я тебя знаю! — Майор всмотрелся. — Ты принимал участие в захвате «духов», которые подорвали фугас. Точно?

— А зачем тебе это?

— Значит, ты! — Майор протянул руку. — Александр.

— Тоже Александр. Тезка.

— Я тоже в Чечен-Аул перебазируюсь, кидают на

подмогу. Значит, вместе будем служить, по соседству. Слушай, а ты в Грозном в августе девяносто шестого был?

— Нет. Не был. А что?

— Понимаешь, когда «духи» Грозный взяли, нас бросили на подмогу операм, которые в здании ФСБ сидели. Там тогда жарко было. «Духи» их по периметру обложили. И был там высокий сотрудник, такой же примерно, как ты. Хорошо стрелял. То из одного окна, то из другого. Помогал нашим поближе к зданию подойти. У меня командира взвода ранило, «духи» его утащить хотели, так длинный своим огнем их отгонял. Мы взводного-то эвакуировали. Потом нас отбросили... Все ищу того длинного, хочу ему спасибо сказать. Жизнь он тогда моему лейтенанту — сейчас уже капитану — спас... Точно не ты? — Майор еще раз внимательно посмотрел мне в глаза.

— Точно. Первый раз в Чечню попал в двухтысячном году.

— Долго был?

— Полгода. Сейчас — на четыре месяца. А ты?

— Если считать с первой войной, у меня уже шестая командировка. Сейчас тоже на полгода. А раньше на три-четыре месяца, вахтовым методом. Три месяца здесь — три месяца дома. — Майор вздохнул. — Ладно, идем, определим тебя. На броне сверху ездил?

— Ездил.

— Хорошо. — Он прокричал солдату на головной машине: — Эй, положи вещи в десантный отсек! И поджопник дай!

Солдат резво прыгнул и исполнил команду. Выдал мне оторванное невесть где сиденье от иномарки — «поджопник». На броне зимой сидеть холодно и твердо. Простатит не дремлет! А тут комфорт. Относительный, конечно. Мне повезло, что определили на

головной БТР, по крайней мере, не летят куски грязи от впередиидущей машины. С другой стороны — и подрывать на фугасе, и обстреливать тоже будут первую машину. За комфорт надо расплачиваться риском, адреналином.

«БТР-80» идет мягко, словно большая иномарка. Это не БМП, на которой все кости растрясешь. Сам майор сел на второй БТР. Старый воин — мудрый воин. Кстати, «мудак» можно расшифровать как «МУДрый Армейский Командир». Но это к майору не относится. Матерый. И бойцы его слушают, верят ему. Видно, что все обстрелянные, опытные, сидят на броне и смотрят по сторонам, готовые при первой же опасности скатиться на землю и принять бой. Я со своим «ПМ» мог бы оказать им лишь моральную поддержку.

Мягко едет БТР, убаюкивает. Хочется заснуть, а нельзя, засмеют военные — опера сон сморил! И есть риск свалиться с брони, шею сломать. Смотрю на проплывающие пейзажи. Кажется, что война прошла по каждому метру дороги. Кое-где вырыты окопы, сейчас заполненные водой. В кювете — сожженный грузовик. Железо, когда обгорает, становится ржавым — будто ржавым — и очень хрупким. Через час езды увидел подбитый танк. Он здесь уже давно, наверное, еще с первой войны. Корпус ржавый, башня повернута вправо, и ствол наклонен к земле. Кто на нем ездил, воевал? Что стало с экипажем? Кто выжил, кто убит? Война. Эх, война, война!

Можно было ехать и через Грозный, так короче. Но майор решил не рисковать и пошел на восток, потом — через станицу Петропавловская — на юг. Путь длинный, долгий и неприятный. Это кажется, что на броне ехать хорошо. На БТР, конечно, трясет меньше, чем на БМП, но холодно одинаково. Сначала на-

чинают мерзнуть голени, потом ляжки, а потом холод начинает пробираться под бушлат. Чтобы согреться, трешь, разгоняешь застоявшуюся кровь по ногам, хлопаешь себя по плечам. Слишком, на мой взгляд, в Чечне высокая влажность. Как у Высоцкого: «Здесь вам не равнина, здесь климат иной...» Бр-р-р! Что же так холодно-то! Зубы стучат.

Наконец удалось немного согреться, но опять захотелось спать. Надо чем-то себя занять. И я начал вспоминать всякие истории.

Был у меня сосед по даче — дедок-фронтовик. Воевать начал еще на Халхин-Голе. Потом финская, потом Отечественная. Потом в Мурманской области охранял ЛЭП. Демобилизовался только в 1947 году. Десять лет мужик воевал. На груди — иконостас. На 9 Мая и 23 февраля я деду всегда стопку-другую подносил.

И был дед замечательным рассказчиком. Поведал, как в Норвегии наши взяли один городок. По пути наткнулись на винные склады. Но задерживаться не стали, пошли вперед. А когда выбили немца из города, то вернулись к примеченным складам.

Подходят, а там уже часовой стоит. Трофейная команда тоже решила прихватить эти склады. И вот стоит толпа, еще горячая от боя. И часовой, перепуганный насмерть:

— Братцы, ну не могу я вас пропустить! Не могу, меня под трибунал отдадут!

— Не бойся, сынок, мы немного возьмем. Это же мы его отбили у немца... — Солдат был уже стар, воевал с сорок первого, шел от Москвы. Нашивок за ранения штук пять: одна желтая — тяжелое, и четыре красные — легкие.

— Не могу! — Боец чуть не плакал.

Толпа все теснее сжималась, приближаясь к входу в подвал. Часовой сорвал с плеча винтовку и закрутился волчком.

— Сынок, не балуй! — увещевал все тот же старый солдат юного салагу.

— Кто тут вина захотел?! — Сквозь толпу протиснулся майор, командир трофейной команды. Оттолкнул часового, достал пистолетик и начал им размахивать: — Вино — государственная собственность! Первый, кто посмеет вломиться, пойдет под трибунал как мародер!

— А ты его у немца отбивал?! — не выдержал старый солдат.

— Тебе, значит, больше всего надо? — Майор взвел курок и выстрелил солдату в грудь.

Тот упал.

И... все, кто был там, стали стрелять в этого майора. Как рассказывал мой сосед по даче, никогда он больше не видел, чтобы от человека так отлетали куски мяса. Первыми же выстрелами его отбросило к каменной стене склада, и уже мертвое тело шевелилось от многочисленных попаданий пуль, вырывающих плоть.

Толпа ломанулась внутрь подвала. Высокие, метров по пять потолки. Все свободное пространство, а там было более пятисот метров, уставлено бочками, бочонками и огромными емкостями с вином.

Кто-то проорал:

— Не нам, значит — никому! — и дал очередь из автомата по этим бочкам.

Подключились и все остальные. В течение нескольких минут в подземелье стояла оглушительная стрельба. Вино текло на пол, заливая все вокруг. Ничего не было видно от пороховых газов. Как рассказы-

вал дед, букет винного аромата и сожженного пороха — ни с чем не сравнимый запах. При этом он закрывал глаза и втягивал ноздрями воздух, вновь переживая те события.

Когда злость солдатская была излита, начали черпать вино. Кто набирал прямо из-под ног, кто по колению в вине пробирался к определенной бочке и подставлял под бьющую струю емкость. Набирали во все, что было под рукой: фляги, кастрюли, бидоны, банки, каски и даже сапоги.

Потом начался гудеж. Пили все и вся. На следующий день подошли свежие силы, которые должны были, пройдя город, двинуться дальше — гнать немца на запад. Но столкнулись с проблемой. Пьяные солдаты лежали по всему городу, прямо на улицах, мешая движению войск, — их просто оттаскивали на обочины. Ну а узнав, где тот заветный погребок, также запасались спиртным и под хмельком, с песнями двигались через город.

И никого не отдали под трибунал, не расстреляли. Хотя распознать участников погрома можно было издалека. Когда они плавали в вине, то все обмундирование окрасилось в красный цвет от вина и никак не отстирывалось. В насмешку их долго потом называли «красноармейцы», делая упор на «красно».

Эх, меня бы сейчас в тот подвал, да полкаски вина испить! Я зябко поежился. Холодно в Чечне. Тоже мне юг! Курил почти непрерывно, щедро угощая сигаретами бойцов. Не жалко. По дороге в Чечен-Аул несколько раз делали привал, чтобы оправиться: на холоде почки работают, как насосы. Майор ко мне больше не подходил. Оно и понятно, работы у него —

выше головы. Надо не проморгать возможную засаду. Поэтому он и кричит, матерится сорванным голосом.

Чем дальше двигались на юг, тем больше попадалось сожженной, развороченной техники. В одном месте — свежая воронка от разрыва, не больше суток давностью. Рядом — полуобгоревшая «буханка» санитарного «УАЗа». Его еще называют «таблеткой». Красный крест в отверстиях от пуль. Вокруг машины раскиданы, втопнаны в грязь окровавленные бинты, сломанные костыли и порванные носилки.

Зрелище не прибавило энтузиазма, но заставило энергичнее крутить головами, внимательнее всматриваясь в окружающую местность. Постепенно адреналин разогнал кровь, и холод отступил. Во рту пересохло.

Нам повезло — мы добрались до Чечен-Аула без приключений.

Я пошел искать месторасположение группы ФСБ. Отдел располагался на окраине села. Это не очень хорошо, так нас тут и перерезать можно. Вырыты окопы, высятся мешки с землей. Сквозь узкую щель смотрит пулемет, ствол следит за мной. Не очень приятно, но данность на войне. Хочешь выжить — не доверяй чужакам.

У нас солдат срочной службы не было. Значит, попросили охранять военных. Значит, с ними полный контакт и понимание. Это приятно — легко будет работать. И значит, мы стоим у вояк на котловом довольствии — отпадает проблема в приготовлении пищи. Вдвойне приятно. Сдал продовольственный аттестат в часть, и все — кушай горячую пищу. Что зимой немаловажно. Вокруг относительный порядок, стало быть, начальник требовательный. И это хорошо.

Документы у меня проверил сержант-срочник. Его страховал второй солдат. Стоял грамотно, позади меня и немного левее.

— Проходите. Вас ждут. — Сержант отдал мне документы, но провожать не пошел.

Группа базировалась в бывшем помещении МТС. Все окна, что выходили на улицу, закрыты мешками с песком. В качестве украшений на стенах развешаны плакаты, на которых в разрезе нарисованы всевозможные двигатели. Будет чем заняться от скуки!

Я осмотрелся. М-да, это не Рио-де-Жанейро! Это гораздо хуже!

Пора идти представляться новому начальнику — подполковнику Мячикову.

— Ступников? Наконец-то! — Мячиков поднялся из-за стола и протянул руку: — Юрий Петрович. Заждался я совсем. Ты дома чем занимался?

— Связь обслуживал.

— Я же просил опытных сотрудников! В первую очередь из отдела по борьбе с терроризмом! — расстроено махнул рукой Мячиков.

— Опытный я. Вторая командировка. Первая полгода, вторая — на четыре месяца.

— А, садись. За отсутствием гербовой пишем на простой! Чай будешь?

— Я вообще-то замерз. Можно и покрепче, — намекнул я.

— Значит, водку с чаем!

Мячиков поставил чайник на печку-буржуйку и полез в стол за водкой и закуской.

Я тем временем осмотрел кабинет шефа. Стол, несколько разнокалиберных стульев с покосившимися ножками плюс пара табуретов. Рядом — топчан, заправленный армейским одеялом. Буржуйка в углу. Над столом электрическая лампочка, дававшая жел-

тый тусклый свет. Стол завален бумагами и картами. По бланкам узнаются сводки радиоперехвата. Тут же какие-то списки, одна из папок открыта, там вшита ксерокопия протокола допроса. Это мне понравилось. Значит, мужик сам работает, пашет, сопоставляет, анализирует, ищет крупницы новой информации в уже известных фактах.

Мячиков накрыл на приставном столе: сало, початая бутылка водки, банка тушенки, хлеб, репчатый лук.

— Заседание продолжается! — провозгласил я, разливая.

— Продолжается.

— Сколько всего народу в группе?

— Ты четвертым будешь. Сейчас чай поспеет, я всех и позову. Познакомишься. — Мячиков достал кружки.

— Мне обещали, что сейчас со всей Чечни опытных оперов соберут и кинут сюда — на усиление... — Я резал хлеб.

— Ага, держи карман шире, Ступников!

Я помрачнел. Провели, как мальчишку. Будем работать в условиях тотального дефицита сотрудников, времени и информации.

Минут через пять пришел третий сотрудник. Причем я его прекрасно знал...

Сергея Каргатов. Капитан. «Загремел» в Чечню буквально перед Новым годом, я — сразу после. Он — на шесть месяцев, я — на четыре. Сергей прекрасно рисовал. Сам себя художником не считал, хотя окончил Суриковское училище в Красноярске. Это у него первое образование. Второе — Красноярский педагогический институт, факультет иностранных языков. Прекрасно знал английский и немецкий и постоянно совершенствовал их, шлифовал. Работал Сергей по

иностранным спецслужбам. И очень даже хорошо. В институте получил вдобавок прекрасную подготовку по психологии. Плюс оперативная спецподготовка. Много читал. Очень много. И вот этот умница попал в Чечню.

Каждый оперативник знал, что мимо Чечни он никак не пройдет, но все как-то отгоняли от себя эти мысли. Кто-то раньше, кто-то позже. Но лучше позже.

Есть у нас в управлении и сотрудники, которые стали «псами войны». Работают вахтовым методом. Шесть месяцев на войне, шесть дома. И дома думают только о войне. А на войне — о доме. Разрываются между своими желаниями. И никакая психологическая реабилитация не спасает. Уже диагноз, образ жизни, медицина здесь бессильна. С другой стороны — оно и хорошо, постоянно прикрывают, едут за тех, кто работает дома, выполняют план по отправке в Чечню. А сейчас стали набирать сотрудников для постоянной службы в Чечне, и я знаю, что они подали рапорта. Скоро появятся здесь. Надеюсь, теперь меньше оперативных работников станут направлять в командировки в эту бандитскую республику.

Сергея Каргатова остановился в дверях, не веря своим глазам:

— Саша, ты?!

— Я, Серега, я!

Обнялись. Черт побери, а приятно встретить на войне знакомое лицо. Приятно!

— Ну, как ты, Саня, что нового дома? — Серега буквально поедал меня глазами.

— Дома все хорошо. Только вот узнали, что не справляешься ты тут. Вызвали в кадры и говорят, мол, езжай, товарищ Ступников, в Чечню. Без тебя, мол, Каргатова всю работу завалил, прямо труба. Вот и поехал. Но я только для оказания помощи. Буду тебя

учить, а не работать за тебя. Поэтому только на четыре месяца, а там уже сам работай.

— Как сюда попал? — Сергей понял и оценил шутку.

— Попал-то я сначала в Толстой-Юрт. Думал, что всю командировку там отсижусь. Не получилось. Начальник, — я кивнул в сторону Мячикова, — сюда вызвал. Вот и приехал.

— Дома что нового? — Серега по-прежнему подал меня глазами.

— Все по-старому. Управление стоит на месте. Начальники на своих местах, подвижек нет ни по вертикали, ни по горизонтали. Все тихо и спокойно. Обычная рабочая ситуация. Сам-то ты здесь как?

— Нормально.

— Хорошо работает, — подтвердил Мячиков.

— Тогда зачем вызывал, Петрович? Два красноярца в одном отделе — уже диаспора. Почти мафия. Не боишься, что подсидим?

— Я вам покажу диаспору! Мне работа нужна! — Мячиков шутливо погрозил кулаком. — А кресло — нате, забирайте!.. А, вот, знакомьтесь! Еще коллега. Разин Александр Владимирович.

Мы обернулись. В дверях — совсем юный офицер. М-да, тогда понятно, отчего Мячиков требовал к себе опытных. Серега, конечно, не совсем юный, но специфика местной до конца, может, не просек. Он интеллигент, а тут нужны люди поглубже. Не то чтобы я принижаю его способности, но сейчас не до глубоких оперативных разработок.

А этот пришедший Разин — вообще «зеленый». Наверное, только вуз закончил, а его сюда «законопатили». Отдел кадров выполнил план по отправке оперов в Чечню.